

DOI 10.18522/2415-8852-2025-1-7-18

«Я СКАЗАЛА МАМЕ, ЧТО ВСЕ НАВРАЛА. И ЭТО БЫЛА НЕПРАВДА»

Яна Вагнер – российская писательница, автор романов «Вонгозеро» (2011), «Живые люди» (2013), «Кто не спрятался» (2017). Роман Вагнер «Тоннель» (2024) получил приз читательских симпатий «Большой книги».

В этом номере Р&І исследователь человеческих страхов Яна Вагнер рассказывает о беспринципных писателях, искусственном интеллекте и слабых местах автофикшена. Беседовала Екатерина Максимова.

Яна, ваша писательская история, пожалуй, не самая типичная для современного литературного процесса – в ней нет никаких литинститутов или школ креативного письма. Расскажите, чем вы занимались, когда вас настиг стремительный писательский успех?

Боюсь, что все истории стремительного успеха только со стороны кажутся стремительными, а обычно они готовятся десятилетиями. Я, действительно, начала писать довольно поздно. Мне было 37 лет, и до этого я занималась совершенно другими делами. Как многие люди моего поколения, юность которых пришлась на 90-е, когда все тысячу раз меняли работу, я много чего успела попробовать. У меня был неплохой английский, и, еще будучи студенткой, я пошла работать переводчиком в турецкую строительную фирму. Еще был чешский, доставшийся мне от мамы, – я переводила документы для Московской торгово-промышленной палаты. Это были разные договоры и справки, и мне было скучно, потому что всегда хотелось переводить художественную литературу. А потом я 12 лет занималась транспортной логистикой, перевозкой импортного медицинского оборудования для больниц по всей нашей стране. В общем, ничто не предвещало, что когда-нибудь я напишу книжку.

Тем не менее ваша первая книга «Вонгозеро» стала суперуспешной. Как и сериал «Эпидемия», который был снят по ней позже. Но, мне кажется, тема конца света в десятые была в топе медийных тем, и браться за нее можно было только с каким-то «уникальным торговым предложением». Как вы формулировали уникальность вашей книги, почему она не должна была утонуть в массе других высказываний о постапокалипсисе?

Я делала ставку на точку зрения. «Вонгозеро» – это история постапокалипсиса, показанная глазами женщины, причем не самой милой и приятной, демонстрирующей свой столичный снобизм в довольно резкой форме. Но это я сейчас могу сформулировать, а изначально все не было так серьезно. «Вонгозеро» получилось почти случайно. Просто за семейным ужином мы смотрели очередной фильм о конце света и обсуждали, а куда бы мы поехали спасаться, случись эпидемия неизвестного вируса в Москве. Поговорили и решили, что в Карелию, – с этого «Вонгозеро» и началось. Тогда только появился «Живой Журнал», где никто ничего не боялся писать, вместо имен и фамилий у всех были никнеймы. Все бросились в ЖЖ, кстати, многие современные российские писатели моего поколения – Наринэ Абгарян, Ли-

нор Горалик, Лора Белоиван – родом как раз из «Живого Журнала». Вот и я тогда решила попробовать, и книга сама собой выросла из серии постов в ЖЖ.

Насколько ваш неписательский бэк-граунд пригодился вам при создании катастрофического сюжета?

В полной мере. Во-первых, в моей логистической работе чего только не происходило. Однажды у нас просто сгорел пароход. Команда, к счастью, спаслась на шлюпках, но парохода не стало. Во-вторых, опыт логистики незаменим при создании роуд-стори. А «Вонгозеро» – это роуд-стори на фоне конца света, жанр, который нацелен обычно на читателей-мужчин. Сразу представляешь себе сурового завсегдатая форума выживальщиков. И здесь хорошо бы разбираться в таких вещах, как марка автомобиля, литраж двигателя и расход топлива, чтобы о твоём романе не сказали, мол, понятно, очередное женское путешествие без учета физических законов. В общем, я все делала добросовестно, продумывала карту, прокладывала маршруты. Конечно, это далеко не самое важное в истории, но пренебрегать матчастью совсем не хотелось.

И все равно каждая книга найдет своего недовольного читателя? «Начали писать книгу? Считайте, вы уже

кого-то обидели» – так о своем писательском опыте нам рассказывал Андрей Аствацатуров.

В точку. Для писателя история важнее, чем отношения с людьми. На своих занятиях в школе креативного письма я всегда даю один и тот же совет: «Ничего не бойтесь, потому что вы все равно всех обидите». Человек или узнает себя и обидится, или поймет, что вы о нем не написали, и все равно обидится. Дело в том, что писательство – это страшное, разоблачающее занятие. Это особый уровень откровенности, который невозможен даже с самыми близкими друзьями. Рано или поздно истории из твоей жизни, из жизни родственников и друзей окажутся на страницах твоей книги, как их ни маскируй. Если честно, я бы запретила законодательно родственникам и друзьям писателей читать их книжки. Близкие люди, которые читают ваши тексты, прекрасно понимают, что вы имеете в виду. Они обязательно узнают какой-то конкретный случай из вашей жизни, о котором вы наверняка им рассказывали, но делали это с каким-то другим лицом. «Я прочитал», – говорит вам при встрече такой человек, а потом повисает неловкая пауза, в течение которой вы заливаются краской и думаете «больше никогда». А потом снова это делаете. Многие начинающие писатели часто совершают ошибку, слишком близко располагая свои истории к себе и к тому,

что вокруг них происходит. Но даже если автор этой ошибки избегает, он все равно проговаривается в каждом слове. Писатель – это неэтичная профессия. Все, что сказано в присутствии писателя, становится собственностью писателя. Когда моя мама прочитала роман «Кто не спрятался», а там очень много травмирующих детских воспоминаний, она, рыдая, пришла ко мне и спросила: что из этого всего правда случилось с тобой? Конечно, я сказала ей, что все наврала. И это была неправда. Хорошо, что у наших родителей всегда есть какая-то утешительная версия прошлого.

«Уважаемый автор, вам пишет обиженный читатель из Ростова-на-Дону». Не получали еще такого письма?

Нет! Уже начинаю волноваться.

Я о семейной паре из «Вонгозера», о соседях главной героини – они из Ростова: он рассказывает несмешные анекдоты, она занята безудержным потребительством и обустройством красивой жизни. Вы взяли этих героев из жизни? Или это просто стереотипные южане – яркие, шумные, немного бестолковые.

Не знаю, что и ответить. Не понравились? Мне очень нравятся эти герои.

Нам тоже. Поверьте, наш любимый автостереотип – о южной жовиальности. Такими мы и хотим себя видеть: упакованы в тяжелый люкс, как Марина, и рассказываем дурацкие анекдоты, как Леня. Расскажите, вы этих героев увидели в жизни или воспользовались стереотипами о южном городе?

И то, и другое. Леня – это как раз тот случай, когда я увидела героя и влюбилась. В гостях у подруги была большая компания, но в моих воспоминаниях всех затмил прототип Лени. Потом я писала текст и, примеривая своего героя на актерские типажи, видела лицо актера из сериала «Участок». Это был Александр Робак, который в итоге и сыграл Леню в сериале «Эпидемия». Так что триггером были реальные люди, а дальше заработали региональные стереотипы. Стереотипы – удобная рамка, но герои книги обычно выходят далеко за ее пределы. Во второй части дилогии, в романе «Живые люди» Леня становится совсем другим и окончательно эти рамки ломает. Есть еще ловушка, в которую читателю легко провалиться, – спутать отношение к герою автора с отношением рассказчика. Напоминаю, в этом романе мы имеем дело с не самым добрым, с не самым надежным рассказчиком. Мы видим все глазами московской снобки, которая ко всем относится примерно с тем же энтузиазмом, что и к своим соседям-южанам.

Как раз эти внутренние монологи героини обеспечивают нужный субъективный тон текста: «Какая у соседей некрасивая девочка, не то что мой красивый мальчик» и подобные замечания в духе «противных ушей Каренина». Психологизм в контексте экспансии новой искренности и автофикциональной литературы выглядит особенно ценным и неожиданным для этого жанра.

Я за психологизм. И против любых жанровых ограничений, против идеи, что, если ты занимаешься детективом, то от тебя ждут исключительно хитросплетений фабулы. Мне нужна прорисовка характеров: глубокой человеческой драме есть место в любом жанре. Даже в самых острых жанровых декорациях мне интересно погружаться в сложные мотивы поступков, главное – следить, чтобы темп, напряжение текста не страдали от этого. Я понимаю, что с этими установками сегодня я в меньшинстве. И конечно, я не большой поклонник автофикшена. Считаюсь, что внутри каждого человека есть хотя бы одна книга, что каждый хотя бы одну книгу – историю своей жизни – может написать. Но, боюсь, далеко не каждая жизнь заслуживает романа.

Наверное, это нормально, новое поколение всегда хочет «открыть глаза» человечеству на то, что такое настоящая любовь, на-

стоящее одиночество, боль или травма. Но все эти проблемы вечны. Тот же Лимонов, далеко ушедший в вопросах самокопания, прекрасно говорил и о своей боли, и о своей любви, и о похоти, и об унижении. И он бы похотел, если б его называли представителем автофикшена.

В XVI веке Монтень в своих «Опытах» пишет о покидающем его зубе, но он пишет не о себе, точнее и о себе, и о человеке вообще – учит его принимать старость и не бояться смерти.

Именно, и в этом разница между так называемой новой искренностью и просто человеческой искренностью, которая с нами тысячелетия. Дело в том, что в центре повествования многих современных авторов находится сам автор и его переживания – он (или она) единственный во всем мире. Его (или ее) переживания важнее, чем весь окружающий мир; точнее, нет никакого окружающего мира, кроме этих переживаний. Никаких попыток разобраться, почему мама как-то не так его (или ее) любила, никаких попыток увидеть в маме человека. Только я и моя обида на маму. Есть только автор, или авторка, со своими проблемами, увы, далеко не оригинальными. Разбираться в истории другого неинтересно. И мне кажется, что эта тотальная глухота, эта вселенская обида на мир противоречит самой идее литерату-

ры. Литература должна интересоваться миром, интересоваться человеком, она должна любопытствовать.

Вы как писатель и как преподаватель школы креативного письма верите в то, что литературе можно научить и научиться?

Я читаю только несколько гостевых лекций в разных школах креативного письма: просто прихожу и рассказываю о сложных моментах своей работы. Я практик, а не теоретик креативного письма, и мне было бы жаль тратить время на то, чтобы придумывать теорию, в существование которой я не очень верю. На мой взгляд, школы креативного письма – это своего рода клубы анонимных алкоголиков, собрания людей, объединенных общей бедой. Там те, у кого набито больше шишек, у кого больше разнообразного опыта, могут поддержать начинающих в борьбе с фрустрацией от понимания того, как трудно добиться желаемого – написать то, что тебе действительно хотелось бы написать.

А для вас что самое сложное в этой работе?

Обычно жалуются на сюжет. Ко мне сюжеты приходят легко. Персонажи и план истории тоже выстраиваются быстро. Для

меня самое сложное – правильно расставить слова в предложении. Язык книги – это то, что в первую очередь доставляет удовольствие от чтения. Сколько хитроумных сюжетов погублено тем, что писатель не посидел годик и не порасставлял в нужном порядке слова. Я очень медленно пишу именно потому, что долго подгоняю слова. Мне нравится мысль, что в каждом стихе, в каждом тексте, как в мраморе Микеланджело, уже есть идеальная форма. Наверное, гениальный музыкант или поэт может услышать мелодию или стихотворение целиком, вынуть его из эфира и связно, не отрывая пера, написать большой фрагмент текста. Но простые смертные получают только смутно зудящее ощущение фразы, ты что-то слышишь, но слышишь с помехами. И вот это самое ужасное чувство – что ты не расслышал слово. Ты сидишь и полчаса перебираешь слова. А потом просто стираешь фразу, потому что понимаешь, что это точно не она. Да, примерно так выглядит работа писателя: сидишь ночью зареванный, проклинаешь судьбу и пытаешься расслышать слово.

Часто недооценивают диалоги. Кажется, их проще писать, чем авторский текст или мысли героя. Неправда. Чтобы диалог получился живым, чтобы все герои говорили своим, а не твоим голосом, нужно приложить немало усилий. Легко писать диалоги, если ты представляешь свой голос, что это ты говоришь. А если ты делаешь героев на себя совсем не-

похожими, людьми из другого города, с другим образованием, другого пола и возраста? Именно поэтому писатель вынужден подслушивать и подсматривать. Он стоит на кладбище и рыдает над могилой, но в его голове есть маленький регистратор-самописец, который занят другой работой: запоминает, как лежат цветы, как завязана лента, что сказала вдова, фиксирует все неловкости церемонии. Подруга плачет у вас на груди и рассказывает вам о своей трагедии, и вы сочувствуете, но уже знаете, что когда-нибудь вы эту историю напишете, даже ценой потери подруги. Бойтесь писателей, держите их от себя подальше.

Кто лучше всех в русской литературе «расставляет слова»?

Для меня – Булгаков, его «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», «Белая гвардия». Мне даже на секунду задумываться не надо. Мне кажется, сто лет назад в русской литературе случилось исключительное событие – люди научились писать очень страшные книги очень смешным языком. Конечно, был Гоголь, и это событие не случилось бы без Гоголя. Но Булгаков, Зощенко, Бабель, Ильф и Петров описывают жуткое время, в котором страшно каждую секунду, которое каждого из них так или иначе погубило, и вместе с ужасом мы испытываем острейшее наслаждение, читая эти тексты. Сделать текст смешным и страшным одновремен-

но – высший пилотаж. Мне хочется верить, что рукописи действительно не горят, что информация о посмертной славе достигает писателей, иначе судьба Булгакова, главные вещи которого так и не были опубликованы при жизни, вызывает отдельное недоумение. Вспомнила еще одну смешную книгу – «Бесы» Достоевского. Надо сказать, мой роман с классической русской литературой начался довольно поздно, я была травмирована школьной литературой и долго ничего не перечитывала. Перечитала все в зрелом возрасте, и оказалось, что эта страшная книга еще и очень смешная книга, несмотря на приличествующее Достоевскому количество страданий. Старейший приживал у богатой покровительницы, литературный кружок, пародия на Тургенева, фигура писателя, читающего собственный текст, – сколько яда, и сколько смеха.

«У иного сердце как у Александра Македонского, а у иного – как у собачки Фидельки. У меня как у собачки Фидельки», – это старик Карамазов говорит в другой «смешной книге» Достоевского «Братья Карамазовы». Вы своих героев постоянно ставите в условия экзистенциального выбора и необходимости самоопределения. А сами вы выживальщик? Знаете, как поведете себя в экстремальной ситуации?

И собачка, и Александр Македонский есть в каждом. Иногда промолчишь, когда надо действовать, а иногда, когда никто не просит, ты уже на коне в вихре событий. Мы не знаем, как поведем себя. Конечно, я примериваю на себя ситуации, в которые попадают мои персонажи, и тогда получается, что я не выживальщик, да и вообще не жилец. У меня нет героев, нет решительных, уверенных в себе победителей. Мне интересны люди, которым трудно даются подвиги. Несмотря на фантастические сюжеты, я придерживаюсь реалистической логики, потому мало верю в супермена, который прилетит и всех спасет. И мои персонажи ведут себя так же, как я, то есть преимущественно по-дурацки: долго раскачиваются, ждут каких-то специально обученных людей, которые должны профессионально решить все вопросы. Но оказывается, что в нужный момент люди не могут договориться, действуют все хаотично, никто не хочет брать на себя ответственность. Помоему, это абсолютно нормально.

Но писатели-фантасты довольно часто бывают посрамлены, потому что человек оказывается лучше, чем о нем думает писатель. Обычно же в истории-катастрофе как? На третий день все друг друга перестреляли из-за канистры бензина. «Если б было светло, они б сгорели со стыда, но кругом чернела ночь», – я взяла эту фразу из «Повелителя мух» Уильяма Голдинга как эпиграф к свое-

му роману «Тоннель». Голдинг рассказывает историю английских мальчиков-подростков, которые в результате крушения остаются без взрослых на необитаемом острове и очень быстро превращаются в племя охотников и жертв, начинают друг друга травить. Голдинг был школьным учителем, не исключая, что эта мрачная оптика продиктована его профессией. Но любопытно другое: именно с английскими школьниками в XX веке случилось несколько историй, связанных с кораблекрушением и изоляцией, и во всех случаях никакого разложения и одичания с ними не произошло, наоборот, они успешно поддерживали друг друга. Я думаю, что люди – не берем в расчет какой-то процент психопатов – вообще не склонны к насилию. Человека нужно долго и мучительно загонять в насилие – через боль и страх.

Боли и страха в вашем новом романе «Тоннель» больше, чем в предыдущих. Это редактор вам говорит «Яна, больше страха, страх продает» или это ваша внутренняя потребность исследовать человека?

Редактор обычно говорит автору другое. Для издательского проекта важно, чтобы автор писал одну книжку в год, а это далеко не мой темп. Я писала «Тоннель» несколько лет, и чем дальше, тем медленнее я пишу, тем дольше «расставляю слова».

Конечно, мне самой интересно исследовать природу страха, природу человеческих поступков. При жанровом разнообразии моих текстов я все время говорю о катастрофе, чувстве страха, необходимости делать ужасный выбор. Не знаю, почему так происходит. Моя мама обычно сокрушается: «Яна, ты всегда была такая веселая жизнерадостная девочка, зачем ты все время пишешь эти жуткие вещи»? Я не могу ответить на этот вопрос, я не только пишу, но и читаю страшные истории и смотреть люблю страшные фильмы. При этом я человек довольно оптимистичный, мрачные мысли меня не одолевают.

Я помещаю героев в такие условия, где отсидеться уже не получится. Мне интересно вытащить из человека все эмоции, все чувства, все поступки и мотивы. Мне очень нравился фантастический сериал «Куб». Там в начале каждой серии разные люди, никак друг с другом не связанные, помещались в комнату-куб и должны были выжить, выбраться из этой комнаты, наполненной разнообразными смертоносными ловушками. Все это очень негуманно, но очень познавательно. В своих книгах я тоже провожу психологические эксперименты, запираю всех в каком-то месте, которое невозможно покинуть. В первой дилогии про конец света это был остров, в третьем, детективном, романе – отель на вершине горы, теперь подземный тоннель. Да, в этой книге больше смертей, чем в моих предыдущих книгах, но мне

интересно не насилие, а то, с какой неохотой мои герои до этого насилия доходят, как они ему сопротивляются.

Ваше определение писательского ремесла как умения «расставлять слова» провоцирует вопрос о главном сегодняшнем конкуренте всех пишущих людей. Я про искусственный интеллект. Как быстро нейросеть начнет расставлять слова лучше писателя?

У меня есть ответ на этот вопрос, потому что в прошлом году я участвовала в проекте, который придумал «Яндекс». Пятнадцати современным русским писателям предложили написать рассказ совместно с «Алисой», используя YandexGPT. Любопытная задача, на которую откликнулись Ксения Буржская, Алексей Сальников, Татьяна Толстая, Шамиль Идиатуллин, Евгения Некрасова, Анна Матвеева и другие авторы. Каждый писал рассказ с разной степенью вмешательства нейросети. Получился сборник под названием «Механическое вмешательство». Для себя я сделала один вывод: никогда искусственный интеллект не сможет создавать хорошую литературу. Просто литературу, беллетристику – да, вполне. И это может быть полезно, пусть будет специальная утешительная литература или литература по запросу. Вводишь запрос «хочу роман про фей и едино-

рогов», и получаешь книгу, в которой только феи и только единороги. Думаю, это может сделать счастливыми довольно большое количество людей. Но если говорить серьезно, то литературы там не будет, потому что нейросеть гладко мыслит и формулирует. Это гладкий язык, и проблема именно в том, что он гладкий. Нет стиля, потому что нет лич-

ного опыта, нет подтекста, потому что подтекст – это как раз человеческое. Искусственный интеллект не сможет заменить писателя, потому что в основе литературы – «хотеть что-то сказать», а нейросеть ничего не хочет. Она не испытывала страха, желания, любви, стыда, унижения, ярости. Не сможет, потому что литература сделана из мяса и крови.

Разговор записан в рамках проекта «Библионочь-2025. Свои герои» Донской государственной публичной библиотеки.

Для цитирования: Вагнер, Я.М., Максимова, Е.С. «Я сказала маме, что все наврала. И это была неправда» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10. № 1. С. 7–18. DOI 10.18522/2415-8852-2025-1-7-18

For citation: Vagner, Y.M., Maksimova, E.S. (2025). “I told my mom that I was lying. And it wasn’t true”. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 10 (1), 7–18. DOI 10.18522/2415-8852-2025-1-7-18

Yana Vagner is a Russian writer, author of the novels “Vongozero” (2011), “Living People” (2013), “Who Didn’t Hide” (2017). Vagner’s novel “The Tunnel” (2024) won the Readers’ choice nomination of Big Book Award (Bolshaya Kniga) in 2024.

In this issue of P&I, Jana Vagner, a researcher of human fears, talks about unscrupulous writers, artificial intelligence, and the weaknesses of autofiction. Interview by Ekaterina Maksimova.

